

УДК 94 (532) + 28 +327.8 (470:532)

В. В. Наумкин

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ВСЕМУСУЛЬМАНСКИЙ КОНГРЕСС В САУДОВСКОЙ АРАВИИ¹

Аннотация: В статье представлены малоизвестные страницы истории всемусульманских конгрессов и халифатистского движения XIX – первой трети XX вв. Автор раскрывает тесную взаимосвязь концепции халифата и идей мусульманского единства, а также причины провала попыток реализовать подобные проекты на практике в османскую эпоху. Историческая картина подготовки и проведения первых всемусульманских конгрессов в Каире и Мекке в 1926 г. представлена в контексте меняющейся системы международных отношений и процесса формирования нового геополитического пространства на Ближнем Востоке. Автор приходит к выводу о том, что исламский фактор стал эффективным инструментом внешней политики СССР, позволившим в 1920-е гг. усилить советские позиции в Аравии и в исламском мире.

Ключевые слова: всемусульманский конгресс, мусульманское единство, концепция халифата, СССР, Великобритания, Саудовская Аравия, Ибн Сауд, дипломатия

Vitaly V. Naumkin

SOVIET DIPLOMACY AND THE ALL-MUSLIM CONGRESS IN SAUDI ARABIA

Abstract: The article presents little-known chapters of the history of all-Muslim congresses and the caliphate movement of the XIX – the first third of the XX centuries. The author reveals a close link between the concept of the caliphate and the ideas of Muslim unity, as well as the cause of failed attempts to implement such projects in practice in the Ottoman era. The historical picture of the preparation and holding of the first all-Muslim congresses in Cairo and Mecca in 1926 is presented in the context of changing international relations' system and formation of new geopolitical space in the Middle East. The author comes to conclusion that the Soviet diplomacy was able to use the Islamic factor as an effective instrument of Soviet foreign policy and thereby to promote the Soviet interests in Arabia and the Islamic world in the 1920s.

Key words: all-Muslim congress, Muslim unity, concept of the caliphate, USSR, Great Britain, Ibn Saud, Saudi Arabia, diplomacy

Из истории всемусульманских конгрессов и халифатистского движения

Идея проведения всемусульманских конгрессов появилась задолго до ликвидации халифата Османов, но была так или иначе сопряжена с чрезвычайно важной для ислама концепцией халифата. Хотя османские султаны с 1516 г. одновременно обладали титулами халифов (первым стал носить этот титул

¹ Работа выполнена при поддержке Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Селим I), их право на верховную духовную власть в мусульманском мире подерживалось далеко не всеми мусульманами. Поскольку они не происходили из племени курейшитов, султаны всегда, а особенно в период заката империи, нуждались в легитимации своих притязаний на халифат. Хотя, как справедливо отмечал известный американско-израильский исследователь истории мусульманских конгрессов Мартин Крамер, «теория халифата в том виде, в каком она циркулировала в Османской империи, вряд ли содержала аллюзию к курейшитскому происхождению и выборности, которые были заменены утверждением священного закона и воинственной защитой ислама как действенными критериями для подтверждения любых притязаний на исламский халифат» [19, *р.* 2; см. также: 17, *р.* 141–150].

Халифат османских султанов, как и саму идею сплочения всех мусульман, подрывали острые противоречия между суннитами и шиитами, причем это касалось, в первую очередь, отношений Турции с ее ближайшим соседом и соперником – Персией. Говоря о враждебности между этими двумя основными направлениями в исламе, английский востоковед Э. Г. Браун писал, как один персидский дервиш в Хой в северо-западной Персии хвастался ему, что вместе со своими товарищами-дервишами сопровождал русскую армию во время русско-турецкой войны, помогая русским своими молитвами [15, *р.* 323]. Тем не менее, в чем сходились многие западные востоковеды, экспансия Запада в исламский мир заставила суннитов и шиитов, пусть и на короткое время, помириться, отодвинув свои доктринальные разногласия.

Сомнения в легитимности халифата Османов высказывались уже в 70-х гг. XIX в. Одним из первых его публично подверг сомнению выступавший за освобождение Египта от колониальной зависимости не очень известный английский поэт викторианской эпохи Уилфрид Блант [14; 20], которого М. Крамер называет «социальным неконформистом и политическим романтиком». Мы знаем, что такие идеалисты-романтики, находившие очарование в суровой жизни Хиджаза того времени, которую они противопоставляли роскоши и блеску Константинополя, и зачастую воодушевленные исламскими ценностями, бывало, встречались среди англичан. При всем этом большинство из них верно служили имперским интересам Британии. После возвращения в Англию в 1879 г. Блант развивает свои идеалистические построения, возлагая на турок ответственность за упадок ислама, реформировать который, как он утверждал, можно было только под эгидой арабов, и выступая за перенос халифата из Стамбула в Мекку, из дома Османа к арабам-курейшитам [19, *р.* 10]. Идеи Бланта о реформах ислама и халифате нашли поддержку у известнейшего египетского мусульманского мыслителя-реформатора, ставшего в 1899 г. верховным муфтием Египта, Мухаммада Абдо², с которым британский поэт познакомился в 1881 г. [19, *р.* 26]. Другой близкий к Абдо рефор-

² Абдо Мухаммад (1849–1905) – знаменитый египетский общественный и религиозный деятель, просвещенный реформатор ислама, верховный муфтий Египта в 1899–1905 гг., ученик и соратник другого популярнейшего реформатора и идеолога панисламизма Джамал ад-Дина аль-Афгани (1839–1897), вместе с которым он основал в Париже «Общество аль-Урувва аль-Вуска» («Теснейшая связь») и получившую широкую известность газету под тем же названием.

матор, Рашид Рида³, в 1898 г. начал издавать религиозно-политический журнал «Манар», в первом номере которого была изложена идея созыва конгресса, которую султан-халиф Абдул Хамид II не поддержал.

Бывший сотрудник британского министерства по делам Индии Джордж Бердвуд (1932–1917) в серии писем в газету «Таймс» еще в 1877 г. называл османский халифат «узурпацией», утверждая, что он по праву должен принадлежать мекканскому шерифу и мусульмане «должны начать свое перерождение с избрания шерифа Мекки халифом Ислама» [27].

Единомышленником Бланта стал подружившийся с ним британский дипломат Джеймс Зохраб, назначенный консулом в Джидду в 1878 г. [19, *р.* 13–17]. Зохраб в январе 1880 г. в одной из своих депеш убеждал Форин Оффис в том, что мекканский шериф как прямой потомок пророка Мухаммада имел больше веса в исламском мире, чем османский халиф [24]. Консул даже выступал за «отделение Хиджаза от Османской империи и его аффилиацию с Британской империей, что в этом случае было бы завидной позицией для влияния на мусульман в Индии и везде» [19, *р.* 13]. Кроме того, он утверждал, что обнаружил в Хиджазе некую «разветвленную подпольную организацию из мусульман всех национальностей, целью которой было восстановление халифата арабов Хиджаза» [26], а шериф Мекки «так же хорош для мусульман, как папа для римско-католической церкви» [25]. Однако эти призывы в то время, когда Османы укрепляли свои позиции в Хиджазе, благосостояние которого зависело от субсидий из Константинополя, а шериф, назначаемый султанами, не имел ни реальной власти, ни высокой репутации в мусульманском мире, были сильно оторваны от действительности. В то же время этот экскурс в историю позволяет лучше понять амбиции шерифа Хусейна во время Первой мировой войны: мечта о восстановлении Хашимитского халифата, покоящаяся на убежденности в священном праве потомков пророка на власть, лежала в основе его планов. Можно предположить, что получить признание в качестве халифа для Хусейна было не менее важно, чем стать королем в части арабского мира.

Если перенестись в наше время, то надо заметить, что, по наблюдению автора данной статьи, некоторые представители рода Хашимитов и сегодня испытывают грусть по поводу утраты контроля над Хиджазом, происшедшей около сотни лет назад, хотя и не демонстрируют это публично. Даже через десятки лет после описываемых событий англичане опасались «хашимитского реваншизма».

Перечитывая депеши вышеназванных чиновников, хранящиеся в Национальном архиве Великобритании в лондонском районе Кью Гарденз, трудно отделаться от мысли о некоторой необычности практики, когда обладавшие формальным дипломатическим статусом лица позволяли себе в официальной переписке (и не только) выступать с довольно рискованными предложениями по поводу региональной политики Лондона. Нетрудно предположить, что их пози-

³ Рида Мухаммад Рашид (1865–1935) – сирийско-египетский общественный и религиозный деятель, реформатор ислама, по взглядам близкий к салафитам, которого считают предтечей «Братьев-мусульман», автор *тафсира* (толкования Корана). Родился в османской Сирии, в городе Каламуне близ Триполи, переехал жить в Египет, выступал за возрождение Арабского халифата, государства, которое жило бы по законам шариата.

ция была навеяна беседами с наиболее яркими, неординарными представителями арабской интеллектуальной элиты и не могла не сказываться на их повседневной работе. Визы, которые ставили на их депешах начальники, далеко не всегда были благоприятными, что очень напоминает ситуацию в советском дипломатическом и иных ведомствах того времени.

Что же касается идеи созыва всемусульманского конгресса, то она, по М. Крамеру, впервые стала известной в письменной форме благодаря все тому же У. Бланту, который активно распространял ее среди влиятельных мусульман.

Концепция проведения всемусульманского конгресса была соединена с халифатским проектом и в концепции известного арабского мыслителя сирийского происхождения Абдеррахмана аль-Кавакиби (1854–1902), который, как принято считать, впервые детально описал такой воображаемый конгресс в своем ставшем популярным в арабском мире трактате «Умм аль-Кура»⁴, который он опубликовал под псевдонимом ас-Сейид аль-Фурати (Господин с Евфрата) в Каире в 1900 г. Аль-Кавакиби выдвинул требование, чтобы существовавший османский халифат был заменен на арабский курейшитский с центром в Мекке «в тесной смычке с всемусульманским конгрессом» [19, р. 30]. Можно ли назвать эту концепцию панисламистской? С некоторыми оговорками – безусловно.

Султан-халиф

Необходимо вспомнить и попытку создать всемусульманский конгресс, принятую лидерами Комитета «Единение и прогресс»⁵. После того как в Турции в 1918 г. младотурки были разгромлены кемалистами, оставшиеся на свободе лидеры и активисты партии уехали в Европу и создали там Лигу исламских революционных обществ (другой встречающийся перевод названия – «Общество единства революции с исламом») во главе с апологетом панисламизма и пантюркизма Энвером-пашой⁶, которая в 1921 г. собрала в Москве небольшое число (немногим

⁴ *Умм аль-Кура* (араб.) – «Мать городов», общепринятое в исламском мире название Мекки.

⁵ «Иттихад ве теракки» – созданное в 1889 г. сначала общество, затем партия младотурок, выступавших за свержение султана Абдул Хамида II и возвращение к конституции 1867 г., которые в 1908 г. совершили в Турции вооруженный переворот.

⁶ Энвер Исмаил, известный как Энвер-паша (1881–1922) – турецкий военный и политический деятель, один из лидеров младотурецкой революции 1908 г., военный министр Османской империи во время Первой мировой войны, идеолог пантюркизма, один из руководителей басмаческого движения в Центральной Азии. В 1903 г. окончил Военную академию Генштаба, после победы младотурок провозгласил восстановление конституции 1876 г., в 1909–1911 гг. был военным атташе в Германии, восторгался германской армией. В 1913 г. организовал переворот, после которого в стране стал фактически править триумvirат в составе Энвера-паши, Талаат-паши и Джемаль-паши, во время Первой мировой войны занимал пост заместителя главнокомандующего, каковым был сам султан. Явился одним из организаторов армянского геноцида. В 1918 г. бежал в Германию. В 1920 г. приехал в Москву, делал заявления о союзе с большевизмом, в 1921 г. был направлен советскими властями в Бухару для участия в переговорах с местным духовенством, но вскоре решил поднять антибольшевистское панисламистское восстание, после объединения с басмачами стал главнокомандующим всеми басмаческими отрядами, в 1922 г. был убит в бою с бригадой Красной Армии недалеко от г. Балъджуана (современный Таджикистан, Хатлонская область), место его захоронения стало мазаром Хазрати-шаха. В 1996 г. его прах был передан президенту Турции Демирелю экс-премьер-министром Таджикистана, выходцем из Куляба И. Хаёевым.

более десятка) исламских представителей. На этом не очень масштабном мероприятии участники договорились о регулярном проведении в будущем таких конгрессов и создании филиалов Лиги. В Хартии Лиги говорилось: «Задача Общества – сделать мусульман, которых используют в качестве рабов, поработанных и угнетаемых империалистами и капиталистами, хозяевами своей собственной судьбы под руководством Турции; утвердить их свободную и независимую организацию в русле их национальной культуры и освободить их из плена. Целью Общества является создание организации, необходимой для выполнения вышеназванной задачи путем духовного возрождения и объединения мусульман. В тех местах, где мусульмане составляют меньшинство, Общество будет пытаться обеспечить их гражданские права» [цит. по: 18, с. 123–125; 19, р. 175]. Руководство ВКП(б) и НКВД наивно считало, что благодаря популярности идей пантюркизма, которые проповедовал Энвер-паша, на том этапе тесно сотрудничавший с большевиками, его можно использовать в борьбе с басмачами в Туркестане.

М. Крамер пишет об известной организованной еще в 1918 г. в Германии немецкими посредниками встрече между лидерами Комитета и секретарем Коминтерна Карлом Радеком, решившим, что после разгрома организации они могли «служить целям советской политики в мусульманских землях. Поставленная задача не очень заметно отличалась от той, которую ставил перед собой Комитет “Единение и прогресс”»: распространение антиимпериалистической и, в особенности, антибританской пропаганды, подаваемой в исламской оболочке, на территории Анатолии, Плодородного Полумесяца, Ирана, Афганистана и Индии. Мало кто в то время задумывался о парадоксальности существования чисто исламского движения, направляемого из Москвы под эгидой Советов» [19, р. 70]. На самом же деле не было ничего парадоксального в том, что мусульмане симпатизировали Советской России, руководители которой опубликовали тайные договоры Антанты, объявили войну империалистам и поддержали лозунги самоопределения мусульманских народов [Ibid., р. 2]. Радек пригласил в Россию двух лидеров Комитета, один из которых – Талаат – отказался приехать, а другой – Энвер-паша – приехал с частью своих единомышленников в 1920 г.

В Британской Индии халифатистское движение появилось во время Первой мировой войны с целью защиты турецкого султана-халифа, а также в рамках решения задач, стоящих перед индийскими мусульманами в местной политике⁷. Симпатии халифатистов к туркам были связаны с широко распространенными антианглийскими настроениями, само его существование говорило о возможности освобождения от колониальной зависимости. Кроме того, по мнению американской исследовательницы Г. Минолт, «халифат символизировал собой извечное превосходство исламского права в мире. Для получивших западное образование умеренных [деятелей. – В. Н.] он воплощал принципы свободы и самоопределения народов. Для радикалов он был воплощением невозможности заимствования

⁷ О халифатистском движении в Британской Индии в 2007 г. под руководством А. Л. Сафроновой студенткой Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова М. В. Петрупиной была написана курсовая работа, из которой взяты некоторые факты из истории этого движения. В этой работе цитируются интересные труды индийских идеологов халифатизма.

западной культуры и политических институтов» [21, *р. 209–210*]. На состоявшейся в июле 1919 г. в Лакхнау Всеиндийской мусульманской конференции, выступившей против колониального раздела Османской империи и за сохранение власти турецкого султана-халифа, индийские халифатисты создали Халифатистский комитет [9, *с. 16*], в котором выделялись два крыла – радикальное и умеренное.

Советское руководство не без оснований считало, что Великобритания хотела воспользоваться халифатистским движением и, поддержав его, приобрести дополнительные рычаги распространения своего влияния на исламский мир. Документы из британских архивов подтверждают, что такие расчеты действительно существовали. Появилось несколько претендентов на титул халифа правоверных, в том числе свергнутый османский султан, мекканский шериф Хусейн бин Али, проигравший войну с правителем Неджда Абдель Азизом бин Саудом за контроль над Хиджазом, а также король Египта и Судана Фуад I⁸. Дискредитированному Хусейну, однако, не удалось получить поддержку ключевых мусульманских государств. Ряд лидеров выступили с идеей созыва нового всемирного мусульманского конгресса, на котором был бы поставлен вопрос о судьбе халифата и, возможно, избран новый халиф. За это, в частности, высказывался уже упоминавшийся индийский Халифатистский комитет. Активно призывали к этому и египтяне, агитировавшие за проведение конгресса в Каире. В египетской столице еще в 1924 г. во главе с *улама* университета Аль-Азхар был создан организационный комитет такого конгресса, который первоначально планировал его проведение в марте 1925 г., но затем отложил на год [12, *с. 44; 22, р. 6–7*].

Но в это время одним из важных игроков в исламском мире стал Ибн Сауд, создавший в Аравии набиравшее силу государство. В 1926 г. Советский Союз первым из всех государств мира официально признал Ибн Сауда королем Хиджаза, султаном Неджда и присоединенных областей – так тогда называлась будущая Саудовская Аравия. Столица этого двуединого государства располагалась тогда в священном для мусульман городе – Мекке, а в Джидде действовала советская дипломатическая миссия во главе с генеральным консулом и дипломатическим агентом Керимом Абдрафовичем Хакимовым.

Показательны заявления руководителей индийского Халифатистского комитета Абдул Каляма и Шауката Али, сделанные в феврале 1926 г.⁹. Коснувшись отношения мусульман Индии к Ибн Сауду после того, как он объявил себя сул-

⁸ Фуад I Ахмед (1868–1936) – седьмой сын первого египетского хедива Исмаила-паши (титул хедива носили находившиеся в зависимости от Порты вице-султаны Египта с 1867 по 1914 гг.), правившего в 1867–1879 гг. В 1914 г. оккупационные британские войска свергли третьего хедива Египта и Судана Аббаса II Хильми и объявили созданный в Египте султанат британским протекторатом, в котором власть реально принадлежала британской администрации во главе с верховным комиссаром. В 1917 г. Ахмед Фуад после смерти брата Хусейна Камиля был провозглашен новым султаном, который установил контакты с египетскими националистами. С момента формального провозглашения англичанами независимости страны в феврале 1922 г. вплоть до своей смерти был королем Египта и Судана.

⁹ Эти заявления были сделаны в ходе беседы руководителей комитета с представителем бирманской газеты «Рангун Дэйли Ньюс» и перепечатаны индийской газетой «Хамдард» 18 февраля 1926 г. Халифатисты совершали поездку в Бирму, чтобы ознакомиться там с положением мусульманского населения.

таном, Абдул Калям сказал, что большинство индийских мусульман поддержат политику комитета, стремящегося провести в Хиджазе всемусульманский конгресс, который и должен решить вопрос о будущей форме правления в стране. Шаукат Али, в свою очередь, подчеркнул, что целью конгресса должно быть освобождение Аравии от влияния немусульман, и пояснил, что имел в виду Калям, сказав, что халифатисты хотят превратить Хиджаз в республику: «Может быть, Ибн Сауд – хороший человек, но не обязательно, чтобы его сын был похож на него, а еще более возможно, что его внук будет совсем никуда не годен. А в Священном Геджазе нет места для таких людей. Поэтому там должна быть республика, президент, который должен избираться и должен находиться под контролем мусульманского мира». Абдул Калям утверждал, что военной силы Ибн Сауда недостаточно для охраны Хиджаза. Будущий конгресс мог бы принять решение попросить Ибн Сауда взять охрану Хиджаза на себя до тех пор, пока население «не будет в состоянии само защищать себя. Конечно, было бы лучше, чтобы это решение прошло через всемирный мусульманский конгресс. Население Геджаза слишком поторопилось» [2, л. 75–78].

На вопрос о возможности избрания Ибн Сауда халифом Абдул Калям ответил: «По моему мнению, султан Ибн Сауд не может быть провозглашен халифом; мусульманский мир также не собирается признавать его таковым». Шаукат Али выразился вполне определенно: «Что касается моего личного мнения, то я признаю халифом низложенного султана Абдул-Меджида, хотя он находится не в Турции, а живет в качестве эмигранта за границей». Здесь четко прослеживалась антикемалистская линия индийских халифатистов. Полной противоположностью ей были заявления советских мусульман. О том же бывшем османском халифе муфтий Зухретдин Аглям от имени Ташкентского духовного управления отзывался следующим образом: «Когда турецкие войска, анатолийские крестьяне и египетские и сирийские арабы под Севастополем и Балаклавой погибали “за родину, религию и халифа”, и когда жены, матери и дети их умирали от холода и голода, в эти кровавые дни султан Абдул-Меджид сидел в своем дворце и предавался разврату с черкесскими женщинами» [Там же, л. 78].

На Кузнецком Мосту, где находился Народный комиссариат иностранных дел, возглавлявшийся Георгием Васильевичем Чичериным, считали не случайным, что наиболее активными сторонниками проведения всемусульманского халифатистского конгресса в Каире были представители духовенства стран, находившихся под контролем Великобритании. Несмотря на нежелание мусульманского духовенства многих государств принимать участие в этом мероприятии, Каирский конгресс все же состоялся. Он проходил с 13 по 19 мая 1926 г. На заседании подготовительного комитета была принята хартия, в первой главе которой говорилось, что председательствовать на заседаниях конгресса будет шейх аль-Азхара, а его заместитель, назначенный административным комитетом конгресса, будет замещать его во время его отсутствия [23, р. 42–45]. Организаторы мероприятия полагали, что попечительство шейха аль-Азхара придаст конгрессу легитимность. Однако из-за отсутствия делегаций из целого ряда влиятельных исламских государств (Персия, Турция, Афганистан и другие) и острых разногласий между

участниками организаторам пришлось прекратить его работу после четырех заседаний, не добившись каких-либо результатов.

Это вызвало удовлетворение в Москве. Еще до созыва конгресса в Каире в докладе заведующему Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) В. Г. Кнорину, подготовленном по материалам спецосведомления и инопрессы, Восточный отдел ОГПУ по поводу этого мероприятия отмечал, что «после ликвидации халифата в Турции англичане развили усиленную деятельность, направленную на воссоздание халифата, но такого, который находился бы под их полным влиянием и контролем... Попытки англичан провозгласить халифом одного из своих ставленников в Аравии, как известно, кончились неудачей, что заставило их перенести свою деятельность в Египет. Целый ряд данных указывал, что на этот раз кандидатом в халифы намечался король Египта Фуад. Формальными инициаторами вопроса о воссоздании халифата в Египте выступили улема из “Аль-Азхара”». В докладе сообщалось о резком недовольстве, которое кампания за халифат вызвала в Турции, а индийский халифатский комитет и индийские националисты присоединились к оппозиции Каирскому конгрессу, поскольку «независимость мнимая и будет большим унижением для мусульман, если будущий халиф окажется под иностранным влиянием» [11, л. 85–94]. С критикой идеи конгресса выступили сирийцы, отказались участвовать в нем персы, а советское мусульманское духовенство в лице руководства ЦДУ опубликовало свой протест против его созыва. В результате вопрос об избрании халифа из повестки дня конгресса был изъят.

Делегация советских муфтиев на Мекканском всемусульманском конгрессе

В противовес планам проанглийских халифатистов Ибн Сауд в 1925 г., еще до занятия им Медины, намеревался провести конгресс под своей эгидой в Мекке, но тогда ситуация не позволила ему реализовать этот план. Теперь же, в новых условиях, он вернулся к этой идее. Сейчас он фактически уже почти добился признания себя исламским миром в качестве хранителя исламских святынь, хотя было еще немало сторонников передачи их под управление международного исламского комитета. Надо было лишь закрепить достигнутые успехи и заодно успокоить общественное мнение мусульман других стран, обеспокоенное агрессивным ваххабитским пуританизмом (как уже было показано, особенно сильное недовольство высказывали индийские мусульмане). Кроме того, Ибн Сауд разработал для конгресса совсем другую повестку дня, которая соответствовала и его чисто государственным интересам. Получив поддержку со стороны представителей мусульманского духовенства многих стран, он принял решение провести всемусульманский конгресс летом 1926 г.

Отношение советского руководства к концепции халифата, как уже отмечалось, не было однозначно негативным. Халифат безоговорочно отвергался только в том случае, если он продвигался проанглийскими силами (а именно так обстояло дело с Каирским конгрессом). В Исполкоме Коминтерна (ИККИ) даже возникла утопическая идея «халифата, находящегося под косвенным влиянием

Коминтерна», который, как говорилось в документе, подготовленном в Восточном отделе ИККИ в сентябре 1921 г. и направленном в ЦК РКП(б) за подписью руководителя отдела С. Брике-Бестужева, был бы «в современной обстановке силой выдающегося революционного значения». Непонятно, каким образом это могло произойти, если в том же документе утверждалось, что «халифат вообще является фактором реакционным» [7]. Но, видим, любое, даже «реакционное» движение в том случае, если оно было направлено против Великобритании, могло интерпретироваться как «революционное». Ставилась задача «вырвать халифат» из рук Англии. Это явилось бы «на Востоке для Коминтерна победой». Однако есть основания полагать, что наивный энтузиазм авторов документа все же не разделялся в высшем руководстве СССР.

Естественно, что симпатии Москвы были на стороне мекканского, а не каирского проекта проведения конгресса, так как Египет находился под господством Великобритании. В этом контексте интересны тезисы одного из писем Чичерина Хакимову с грифом «совершенно секретно», хранящегося в его архиве, – от 3 апреля 1926 г. В нем нарком писал: «Последние события на Аравийском полуострове во многом подтверждают нашу оценку взаимоотношений между Ибн Саудом и англичанами. Несмотря на внешне занятую Саудом примирительную линию по отношению к Англии и несмотря на попытку английской прессы представить Сауда в качестве друга Англии и опоры английской политики, становится все более ясно, что эти взаимоотношения основаны на взаимной боязни. Англия опасается, что Ибн Сауд сможет мобилизовать вокруг себя мнение антибритански настроенных мусульман и, укрепив свое положение в Геджасе, начнет экспансию в сторону Палестины» [4, л. 1–7].

Исходя из сказанного, ставилась задача: «Сауд на целом ряде фактов последнего времени должен убедиться, что англичане не только будут чинить препятствия его дальнейшему усилению, но по мере возможности постараются лишить его плодов его последних побед. Крайне показательным документом является статья в “Таймс оф Месопотамия” от 21/II с.г. В этой передовице, написанной по поводу слухов о вторжении Сауда в Заиорданье, говорится, что нападение Сауда на Заиорданье не является неожиданным для людей, знакомых с положением в Геджасе, и причиной нападения выставляется боязнь Сауда интриг со стороны Заиорданья и Ирака. Передовица отражает недоверие англичан к Сауду, их враждебное отношение к его успехам» [Там же].

И далее: «Обострение отношений между англичанами и Ибн Саудом должно повлиять на последнего в смысле и ранее наблюдавшихся у Сауда тенденций найти противовес английскому давлению в сближении с другими странами. Заключение договора с Францией и скорый и очень дружественный ответ на нашу ноту о признании показательны в этом отношении. Положение Сауда и выявленные им тенденции дают возможность строить нашу политику в Аравии на содействии усилению Ибн Сауда, на концентрации вокруг его устремлений надежд всех недовольных империалистическими государствами элементов соседних стран Сирии, Палестины, Ирака. Обстановка благоприятна для усиления нашего влияния у Ибн Сауда, и мы должны постараться полностью использовать это обстоятельство» [Там же].

Наверное, нарком был прав в том, что обстановка, действительно, способствовала сближению Советского Союза с Ибн Саудом, который тогда нуждался в поддержке со стороны Москвы. Но Чичерин понимал, что для этого еще нужно было решить несколько задач, в чем большую помощь могло оказать участие советского мусульманского духовенства в Мекканском всемусульманском конгрессе: «Как для усиления наших отношений с Ибн Саудом, так и для противодействия английским планам в Аравии серьезное значение имеет использование нашего мусульманства путем посылки делегации в Геджас. Посылкой делегации мы преследуем две основных цели: 1) противодействие английским планам по проведению в халифы угодного Англии кандидата на всемусульманском конгрессе; 2) обеспечение участия наших мусульман в тех международно-мусульманских органах, которые могут быть созданы для контроля над “святыми местами”. Само собой разумеется, что в этой второй цели основным для нас является возможность благодаря участию наших мусульман в геджасских органах нашего постоянного воздействия на мусульманский мир» [Там же].

Для достижения поставленных целей наркомом была придумана интересная схема с двумя делегациями: «Основываясь на приглашениях от Сауда, нами будет послана на созываемый Саудом конгресс делегация от наших мусульман, или вернее, две делегации. К официальной делегации наших мусульман на конгресс в Мекке по обслуживанию вопросов охраны “святых мест” и паломничества будут присоединены несколько влиятельных в мусульманском мире лиц. Эти лица не будут иметь официальных мандатов, т. е. будут просто паломниками. В силу персонального веса лиц, входящих в делегацию, она сможет оказать серьезное влияние на формирование настроений среди паломников, не будучи связанной в то же время официальным качеством, как это будет иметь место в отношении первой делегации. Мы постараемся выслать обе эти делегации как можно раньше с тем, чтобы во время каирского конгресса, который должен состояться 13 мая, представители наших мусульман уже имелись в Мекке, а если каирский конгресс будет отложен, делегации могут быть посланы несколько позже» [Там же].

Эта схема представлялась настолько важной, что в заключение нарком подчеркивал секретность миссии и самого существования второй «делегации»: «...Делегация от ЦДУ является официальной, но представляет только это Управление и больше никого. Это та делегация, которая посылается в силу телеграфного приглашения Ибн Сауда, адресованного ЦДУ. Туркам мы сообщим только об этой делегации, которая не должна будет принимать официального участия в разрешении халифатского вопроса, а ограничится только вопросами “святых мест” и паломничества. Другая же делегация, которая будет противодействовать английским планам в халифатском вопросе, является секретной и действует не как делегация в целом, а индивидуально. Вся значимость зависит от личного влияния ее членов в мусульманском мире. Об этой делегации мы туркам не будем говорить, и Вы также не должны о ней никому говорить. Члены этой “делегации” суть простые паломники и не больше. Мы еще не знаем персонального состава этой делегации, но возможно, что в известной части эти делегации будут совпадать» [Там же].

При знакомстве с необычной идеей отправки на всемусульманский конгресс двух делегаций неизбежно возникает вопрос о том, кем же были те засекреченные паломники, задачей которых был срыв британских халифатистских планов. Безусловно, речь идет о хорошо разработанной спецоперации по оказанию влияния на важную часть международного мусульманского сообщества, используя его освободительный потенциал. Ее детали остаются неизвестными, но результаты, как мы увидим, будут говорить сами за себя.

Сформированная для участия к Мекканском конгрессе основная, «открытая» делегация советских мусульман, возглавляемая главой Центрального духовного управления в Уфе муфтием Р. Фахретдиновым, включала следующих представителей: Кашшафэтдин Тарджемани (Уфа), Габдеррахман Гомери (Астрахань), Тахир Ильяс (Казань), Мослахетдин Халил (Крым), Махди бен Максуд (Сибирь), Абдель-Вахед эль-Кари (Туркестан).

На конгрессе присутствовали следующие зарубежные представители: 12 человек от Индии (по четыре от Халифатского комитета, Ассоциации улама Индии и Ассоциации «Улама аль-хадис»), 16 человек от государства Ибн Сауда (5 от Неджда и 11 человек от Хиджаза), 3 – от Асира, 4 – от Явы, 2 – от Ассоциации «Иршад Ява», 4 египетских улама в личном качестве, 3 – от Палестины, 3 – от Сирии, 2 – от улама Судана, 3 – от Халифатской ассоциации Верхнего Нила, 2 – от Турции, 2 – от Афганистана и 2 – от Йемена.

В то же время отмечалось, что антибритански настроенные халифатисты (например, братья Али) присутствовали на «лукновской конференции» персонально, а не как представители Халифатистского комитета. Комитет же к концу октября, как раз когда генконсулу были направлены инструкции, еще не высказался по поводу своего доклада на конференции в Мекке.

Кстати, в упомянутом выше письме нарком вновь попутно обращался к вопросу о договоре с Ибн Саудом: «...Признание Сауда нами ставит на повестку дня вопрос о заключении договора по типу договора, предполагавшегося к заключению с Геджасом. Со следующей почтой мы ожидаем от Вас детальных соображений по этому вопросу... К сожалению, не могли подготовить к отправке настоящей грамоты и постараемся прислать Вам последние с одной из следующих почт. Для того, чтобы сгладить возможное недовольство Сауда задержкой грамот, я прилагаю письмо Сауду от моего имени. Мы думаем, что как это письмо, так и подарки (о них подробно пишет т. Пастухов) помогут Вам рассеять те недоумения, которые могут возникнуть у Сауда и его приближенных в связи с задержкой грамот. Передача подарков должна будет по нашему мнению способствовать усилению вашей дружбы с Ибн Саудом и его деятелями» [Там же].

Кстати, «дипломатия подарков», которая особенно хорошо работает на Востоке, активно использовалась всеми державами, имевшими дипломатические миссии в королевстве. Решение вопросов о подарках, равно как и о выполнении отдельных практических просьб, с которыми обращались некоторые официальные саудовские лица к советским дипломатам, также были частью их повседневной работы и переписки с Центром, к чему мы далее еще вернемся.

Советские дипломаты прогнозировали возможное достижение компромисса между Ибн Саудом и индийскими мусульманами, если их представители «и в дальнейшем будут участвовать в мекканском конгрессе и если он обеспечит себе поддержку мусульман других стран» [Там же]. Отсюда понятно, что советским мусульманам, делегация которых, по замыслу советского руководства, должна была участвовать в работе конгресса, была отведена важная роль в поддержке линии противников пробританских сил. Как уже упоминалось выше, одной из главных причин довольно благосклонного (хотя и не безусловно позитивного) отношения советского руководства к Ибн Сауду было то, что он рассматривался руководством НКВД и, вероятно, основной частью высшего партийно-государственного руководства в качестве антагониста проанглийских сил.

Но была и другая точка зрения. В газете «Правда» 8 апреля 1926 г. появилась статья, в которой комментировались сообщения английской прессы о намеченном на май Каирском всемусульманском конгрессе для избрания халифа, который одновременно будет председателем «Мусульманской Лиги Наций». Делался логичный вывод, что, коль скоро конгресс будет проходить в столице страны, оккупированной английскими войсками, «необходимо, чтобы в предполагаемой махинации была заинтересована Англия». Однако при этом почему-то утверждалось, что местонахождением Лиги избрана Мекка, которая «в настоящее время находится в руках вождя ваххабитов Ибн Сауда, недавно, с согласия Англии провозглашенного королем аравийского государства Геджас. Ибн Сауд изгнал из Мекки не угодившего англичанам короля Хусейна и недавно заключил с Англией договор, по которому за приличную субсидию обязался верно выполнять английские директивы». Еще в большем диссонансе с линией НКВД находилось следующее утверждение: «По всей вероятности, кандидатом на пост халифа явится тот же Ибн Сауд, который, таким образом, постарается выполнить две главные задачи, возложенные на него Англией: 1) ослабить в глазах мусульманских народов престиж Турции, упразднившей халифат, носителем которого были члены низложенной турецкой династии, и 2) гарантировать влияние Англии на мусульманские народы, обеспечив за нею влияние на будущего халифа» [10].

Чичерин был в ярости: в статье все было поставлено с ног на голову. Ибн Сауд рассматривался не как антагонист англичан, а как их ставленник. На это следовало остро реагировать. Вслед за публикацией главному редактору «Правды» Ф. А. Ротштейну были направлены два письма.

Первое – докладная записка Пастухова Чичерину (копия – Ротштейну) от 9 апреля 1926 г., в которой сообщалось: «В “Правде” от 8 апреля с. г. появилась заметка “Возрождение халифата под английским покровительством”, в которой анонимный автор рассматривает Ибн Сауда как английского агента, который должен будет способствовать проведению плана Англии в халифатском вопросе. Отмечая, что созыв каирского конгресса отвечает интересам английской дипломатии, автор в качестве подтверждения этого приводит то обстоятельство, что местонахождением новой “Лиги наций мусульманских народов” избрана Мекка, находящаяся в руках Сауда. Появление в нашей прессе подобного рода заметок, выявляющих полное незнание настоящего положения халифатского вопроса, мо-

жет крайне неблагоприятно отразиться на проводимой нами в этом вопросе политике как в Аравии, так и среди нашего мусульманства. Кроме того, подобные выпады против Сауда могут быть доведены до его сведения нашими антагонистами и затруднить работу т. Хакимова. В неловкое положение мы попадаем и перед турками, которым мы советуем послать делегацию на конгресс Ибн Сауда. Необходимо принять меры к тому, что бы хотя бы в наших центральных газетах не помещались подобные “размышления”, подрывающие политическую линию, проводимую нами» [4].

Этому вопросу Чичерин придал настолько большое значение, что вслед за запиской Пастухова он уже на следующий день направляет еще и свое сердитое письмо Ротштейну. Напомним, что нарком всегда настойчиво, хотя и безуспешно, пытался добиться того, чтобы все публикации в прессе по вопросам внешней политики согласовывались с НКВД. Он писал: «Я считал бы чрезвычайно важным войти в контакт со всей нашей печатью по вопросам, возбужденным в записке 9-го апреля тов. Пастуховым. Ибн Сауд давно перестал быть английским ставленником. Это теперь одна из крупных руководящих личностей Востока, играющая роль в наступлении нового периода в развитии этих народов. Англия теперь старается с ним заключить компромиссы, но он, идя на некоторые компромиссы, вообще продолжает самостоятельную линию. Говорить о нем как об английском ставленнике, как это делает “Правда”, может повредить дальнейшему развитию наших отношений и может затруднить нашу работу, между прочим, в связи с предстоящим конгрессом на Ближнем Востоке и с предстоящим паломничеством. Крайне важно, чтобы наши органы печати не выступали с заявлениями, свидетельствующими о незнании нынешней действительности или вредящими дальнейшему развитию отношений на Ближнем Востоке» [Там же].

Итак, правительство в ответ на запрос Духовного управления мусульман разрешило делегации советских мусульман выехать в Мекку для участия во Всемирном мусульманском конгрессе под эгидой саудовского монарха.

Решения Конгресса

Конгресс проходил в Мекке с 7 июня по 5 июля 1926 г. В АВП РФ хранится со ссылкой на сообщение ТАСС от 19 марта 1926 г. следующий текст телеграммы Центрального духовного управления мусульман из Уфы, направленной председателю ЦИК СССР М. И. Калинину за подписью муфтия Ризаэтдина Фахретдинова: «Подведомственное Центральному духовному управлению мусульманское население РСФСР всецело присоединяется к протесту индийских мусульман против созыва халифатского конгресса в Каире. Конгресс должен быть созван в стране, находящейся вне сферы влияния империалистических держав. Этому условию не удовлетворяет состоящий под господством Англии Египет, где нет гарантии для свободного выявления мусульманами их истинного мнения. Созыв Конгресса в Мекке как священном для всех мусульман месте вполне соответствовал бы задаче, стоящей перед Конгрессом» [1, л. 115]. Исследователь этого вопроса В. С. Романенко приводит телеграмму в варианте, опубликованном в газете «Известия»,

в котором в конце добавлено: «при условии ограждения этого от влияния империалистов» [8]. Вероятно, при публикации текст был таким образом усилен. Вышеупомянутый автор рассматривает данную позицию руководства мусульманской общины России как проявление ее роли инструмента поддержки внешнеполитического курса Москвы в исламском мире [12, с. 18].

Одно из приложений к сводке прессы, подготовленное Отделом Ближнего Востока НКВД и направленное для ознакомления Хакимову, содержало перевод интервью секретаря делегации советских мусульман Тагира Ильяса из Казани, данное им по прибытии делегации российских мусульман в Константинополь и опубликованное вместе с другими материалами по Конгрессу в Мекке в турецкой газете «Джумхуриет» от 28 августа 1926 г. В нем он, в частности, «прошелся» по прежнему правителю Хиджаза: «Освободив Геджас от узурпатора и тирана Хусейна и его сыновей, неждский султан Абдель Азиз бин Сауд созвал представителей всего мусульманского мира на конгресс в священную Мекку для обсуждения вопросов о благоустройстве Мекки и об облегчении передвижения паломников». Не обошлось и без пропагандистских ноток: «Разумеется, в эпоху царизма русские мусульмане не смогли бы принять участие в подобном конгрессе. В те времена ни коим образом не разрешалось общение между русскими мусульманами и турками, единокровной Турцией. Северным туркам [следовало бы сказать: «тюркам». – В. Н.], обучавшимся в Турции, ставились преграды к созыву ученых съездов. Но в настоящее время весь мусульманский мир видит, как много выиграли русские мусульмане благодаря законам советской власти о свободе верований и религиозных учений» [3, л. 119].

В отличие от Каирского, Мекканский конгресс, как можно судить по списку участников, был очень представительен. В Москве не мог не вызвать удовлетворения тот факт, что Р. Фахретдинов был избран одним из двух сопредседателей конгресса. Вопрос о халифате на конгрессе вообще не обсуждался.

Кстати, вскоре после всемусульманского конгресса в Мекке, а именно в конце октября – начале ноября 1926 г., в СССР собрался свой съезд мусульман – Внутренней России, Сибири и Казахстана. В какой-то мере его решения перекликались с теми, что были приняты ранее в Мекке.

В одном из интервью муфтий Р. Фахретдинов охарактеризовал события в Аравии в таком духе: «После упорной и победоносной борьбы со ставленником англичан Хусейном и его сыном Али вождь ваххабитов Ибн Сауд объединил значительную часть арабских земель и создал независимое арабское государство» [11, л. 43]. Симпатии советской делегации, действовавшей в соответствии с полученными от властей указаниями, явно были на стороне саудовцев.

Показательно, что Конгресс принял ряд постановлений антиколониальной направленности. В частности, было решено: «Обратиться от имени всех мусульман к французскому и английскому правительствам, правящим в Сирии на основании мандата от Лиги Наций, с требованием о передаче Геджасской железной дороги как построенной в свое время на пожертвования мусульман всего мира в распоряжение правительства Геджаса и Исполкома Конгресса» [Там же, л. 44]. На семнадцатом заседании собравшиеся разошлись в вопросе о том, кому по-

ручить строить железную дорогу между Джиддой и Меккой. Одни считали, что для осуществления этого проекта нужно было создать специальный комитет, другие – что этим мог бы заняться исполнительный комитет Конгресса. Договорились о следующем: «Конгресс решил направить проект в исполнительный комитет, выбрав некоторое количество его членов для организации в их странах, соответственно, комитетов по подписке, условившись, что названные члены будут связываться с исполнительным комитетом, перешлют ему квитанции и будут следить за прохождением собранных средств» [цит. по: 12, с. 143]¹⁰. По решению Конгресса железные дороги должны были стать вакфами, доходы от них помещены в надежные финансовые учреждения и расходоваться согласно учредительному документу вакфа и решению исполнительного комитета.

Рассматривался вопрос о рабстве в Хиджазе, и по предложению индийского делегата, который в жесткой форме осудил его сохранение, комиссия инициатив решила передать его на рассмотрение конгрессу, высказав мнение, что «правительство Хиджаза должно запретить всякое рабство, имеющее место в Хиджазе и противоречащее нормам шариата» [цит. по: 12, с. 137]. Это предложение было принято. В дискуссиях делегаты выражали обеспокоенность ужасными санитарными условиями в Хиджазе во время хаджа и в деталях обсуждали меры, необходимые для улучшения обстановки. Они говорили о свирепствующих там во время паломничества болезнях и эпидемиях, напоминали, что король Египта ежегодно посылает туда дары и пожертвования на медицинские цели. Делегаты призывали мусульманские правительства и народы направлять в Хиджаз медицинские миссии для приема паломников, создавать и укомплектовывать больницы и пункты мобильной помощи, строить специальные скотобойни для жертвоприношений, общественные туалеты, улучшать качество воды в Мекке с помощью строительства системы дренажа, установки насосов на резервуарах и колодцах. Рекомендовалось также усовершенствовать порт в Джидде, наладить учет паломников, сконцентрировать в одной казне имущество умерших паломников, чтобы обеспечить его возвращение и т. д. [Там же, с. 137–140]. Делегация советских мусульман предлагала несколько проектов решений, в том числе об охране здоровья паломников, которые были приняты конгрессом [13].

Кроме того, по предложению шейха Рашида Риды конгресс постановил: «Заявить от имени Конгресса требование о возвращении Королевству Геджаса всегда входивших в состав его местностей Акаба и Маан, насильственно присоединенных англичанами к Трансиордании» [цит. по: 12, с. 146]. Таким образом, Ибн Сауду удалось добиться поставленной им цели – получить поддержку мусульманского мира по вопросу включения в состав его государства территорий, которые англичане решили сохранить под своим контролем в рамках карты Ближнего Востока, начерченной ими после распада Османской империи. Тем не менее поддержка этого постановления не была единодушной: египетская, афганская и турецкая делегации в знак протеста покинули зал в ходе последнего, восемнадцатого заседания.

¹⁰ Указанный автор перевел на русский язык решения Конгресса с французского текста [см.: 16, р. 125–212].

В архиве Чичерина находится полученный из генконсульства в Джидде неподписанный (естественно, секретный) документ от 2 апреля 1927 г. с оценкой итогов всемусульманского конгресса в Мекке (неясно, почему столь важный документ был направлен в наркомат с таким опозданием). В нем, в частности, говорилось: «Оба мусульманских конгресса, которые состоялись в 1926 году, нашли себе единодушную оценку. В то время как Каирский Халифатский конгресс по общему признанию прессы как восточной, так и европейской, потрепел политический крах, та же пресса столь же единодушно признала успех мекканского конгресса... Самое любопытное, что бросается в глаза при ознакомлении с многочисленной литературой, посвященной конгрессу, это то обстоятельство, что львиная доля этой литературы падает на период до конгресса. Наоборот... окончание конгресса не вызывает почти никаких откликов, а результаты его – никакой оценки и комментариев... И это повсеместно, кроме Индии, где конгресс вызвал продолжающуюся до сих пор жесткую полемику и борьбу, не являющуюся чем-то случайным, а вытекающую из обстановки, в которой созывался и протекал конгресс» [5].

Авторы документа, называя цели, которые Ибн Сауд ставил перед собой, созывая конгресс (согласно его обращению в газете «Умм аль-Кура» от 2 апреля 1926 г.), подчеркивали, что «Ибн Сауд считает Геджас духовным достижением всего мусульманского мира... Это обращение должно было опровергнуть распространенные слухи о нетерпимости ваххабитов, их дикости, фанатизме, и тем самым лишить врагов Ибн Сауда важнейшего оружия против него... Именно этими мотивами созыва конгресса и объясняется его программа – сосредоточение внимания мусульман на положении Геджаса и проекте реформ в нем, требующих, несомненно, денег» [Там же].

«В случае же, если бы попытка созвать конгресс не увенчалась успехом, – говорилось в документе, – Ибн Сауд мог бы парировать всякие нападки на его управление и на самое пребывание в Геджасе указанием на полное безразличие мусульманского мира к судьбам священной страны. Необходимо отметить, что к таким аргументам Ибн Сауд уже прибегал после неудачи его попытки созвать конгресс в Мекке в 1925 г., еще до занятия им Медины и Джидды» [Там же].

Авторы документа утверждали, что успех конгресса в Мекке с самого начала вовсе не был гарантирован, поскольку короля будто бы поддерживали только индийские халифатисты, «с которыми у него была договоренность еще до того, как он предпринял свое наступление на Геджас. Ссылаясь в своем приглашении на конгресс на “взятые на себя обязанности”, Ибн Сауд имеет в виду именно свои обещания, данные им дважды индусским делегациям, приезжавшим в Геджас после занятия им Мекки» [Там же]. Суть его посулов состояла в том, что Ибн Сауд обещал полную свободу вероисповедания в Хиджазе всем толкам ислама.

Дипломаты делали вывод, что успех конгресса в целом и поддержка индийских халифатистов объяснялись тем обстоятельством, «что, независимо от своей программы, Мекканский конгресс являлся противопоставлением халифатской затее Каира». Тот же мотив в заявлении мусульман СССР побудил Турцию после некоторых колебаний поддержать Ибн Сауда. В документе приводилось в качестве примера заявление турецкого посла в Египте Мухиддина-паши: «Мы достаточно пострадали от халифата, халифатского вопроса для нас не существует» [6].

Действительно, противоречия между идеями халифатистов и антихалифатской линией кемалистского руководства Турции были весьма сильными, но, тем не менее, общие интересы остались, что проявилось позднее.

Давая общую оценку конгресса, дипломаты заключали: «1) Подготовка и созыв Мекканского конгресса способствовали и усугубили крах каирского конгресса и тем самым дискредитировали англо-египетскую халифатскую затею; 2) Мекканский конгресс содействовал упрочению авторитета Ибн Сауда и тем самым сыграл положительную роль в деле его эмансипации от империалистических влияний; 3) Конгресс провел некоторую положительную работу по вопросам практического характера, касающихся Геджаса, но одновременно в результате провала всех попыток индийских халифатистов придать ему панисламский характер в специфическом смысле этого слова доказал полную беспочвенность панисламизма и невозможность проведения интернациональных панисламистских акций. Это последнее обстоятельство подтверждается и безуспешностью попыток создания интернациональной панисламистской организации, отчетливо выявившейся за истекший с момента конгресса год» [5].

Решения Конгресса на самом деле не могли не вызвать удовлетворения у советского руководства (ведь фактически произошла религиозная реабилитация Ибн Сауда). Но нельзя сказать, что все решения Конгресса соответствовали его планам. В частности, им противоречило следующее решение, принятое вопреки возражениям делегации советских мусульман (только непонятно, насколько решительно они выражали свое недовольство): «Выразить от имени всех мусульман пожелание, чтобы Геджас в целях сохранения своей самостоятельности не предоставлял иностранцам концессии на своей территории» [7]. Рассказывая об этом решении в своем интервью, муфтий Фахретдинов добавлял: «Ибн Сауд вполне присоединился к этому пожеланию» [5, л. 4–10].

Эффективное использование советским руководством участия советских мусульман в Мекканском конгрессе в то время помогло Советскому Союзу усилить свои позиции в Аравии и в исламском мире.

Литература

1. АВП РФ. Ф. 190. Оп. 2. Д. 1. П. 1.
2. АВП РФ. Ф. 190. Оп. 2. Пор. 1. П. 1. Информбюро Отдела Ближнего Востока НКВД.
3. АВП РФ. Ф. 190. Оп. 9. Пор. 1. П. 1.
4. АВП РФ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 962. № 69 за 1926 год. Архив Чичерина. Геджас. Письма НКВД.
5. АВП РФ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 970. № 69 за 1927 год. Архив Чичерина. Геджас. Письма и доклады Генконсула.
6. Ас-Сияса. 16 марта 1926 г.
7. Брик-Бестужев С. Перспективы работы Коммунистического Интернационала в Анатолии, 14 сентября 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 76. Л. 61–73.
8. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 63(2694). 18 марта 1926 г.
9. Петрушина М. В. Халифатистское движение в Британской Индии. Курсовая работа. Науч. рук-ль А. Л. Сафронова. Москва, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. На правах рукописи.
10. Правда. 8 апреля 1926 г.
11. РГАСПИ. Ф. 17 «ЦК РКП(б) — ЦК КПСС». Оп. 85 «Секретный отдел» (1926–1934). Д. 171.
12. Романенко В. С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века. Нижний Новгород: НИМ «Махинур», 2005.

13. Хасан Махмуд Али. Сахифа муджаза би-а'маль аль-му'тамар аль-'алими аль-ислами аль-аввал би-Мекка аль-мукаррама. аль-Искандарийя, Матба'ат нахдат ап-шарк, 1345 г.х. (Краткий рассказ о работе Первого всемирного мусульманского съезда в Мекке. Александрия: Издательство возрождения Востока, 1967).
14. Blunt Wilfrid Scawen. My Diaries. Vols 1–2. L., 1920.
15. Browne E. G. Pan-Islamism // Lectures on the History of the Nineteenth Century / Ed. by F. A. Kirkpatrick. Cambridge: Cambridge University Press, 1904.
16. Congrès du Monde musulman à la Mecque. Procès – verbaux (Pièces – annexes, № 9–27) // Revue du Monde musulman, Paris, 1926, XVIV. P. 125–212.
17. Gibb H. F. R. Studies on the Civilization of Islam / Ed. by Stanford Shaw and William Polk. Boston, 1961.
18. Karabekir K. Istiklâl Harbimizde: Enver Paşa ve Ittihat Terakki Erkânî. Istanbul, 1967.
19. Kramer Martin S. Islam Assembled: The Advent of the Muslim Congresses. N. Y. : Columbia University Press, 1986.
20. Longfold E. A Pilgrimage of Passion: The Life of Wilfrid Scawen Blunt. L., 1979.
21. Minault G. The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilization in India. Delhi, 1982.
22. Revue du Monde musulman, Avertissement. Paris, 1926.
23. Sékaly A. Le Congrès du Khalifat et le Congrès du Monde Musulman. Paris, 1926.
24. The National Archives of the United Kingdom. Public Record Office. Foreign Office Files. FO 78/3131, January 9, 1880.
25. The National Archives of the United Kingdom. Public Record Office. Foreign Office Files. FO 78/3131, January 12, 1880.
26. The National Archives of the United Kingdom. Public Record Office. Foreign Office Files. FO 78/3314, February 1881.
27. The Times. June 25, 1877.

References

- As-Siyasa*, March 16, 1926.
- AVP RF – *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. Stock 190. List 2. Dossier 1. Folder 1.
- AVP RF – *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. Stock 190. List 2. Dossier 1. Folder 1. Informbiuro Otdela Blizhnego Vostoka NKID [Information Division of the Middle East Department of the Ministry for Foreign Affairs].
- AVP RF – *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. Stock 190. List 9. Dossier 1. Folder 1.
- AVP RF – *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. Stock 4. List 12. Dossier 962. 1926. № 69. Arkhiv Chicherina. Gedzhas. Pis'ma NKID [Chicherin's Archive. Hijaz. Letters to the Ministry for Foreign Affairs].
- AVP RF – *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. Stock 4. List 12. Dossier 970. 1927 year. № 69. Arkhiv Chicherina. Gedzhas. Pis'ma i doklady Genkonsula [Chicherin's Archive. Hijaz. Consul General's letters and reports].
- Blunt, Wilfrid Scawen. (1920). *My Diaries*. Vols 1–2. London.
- Brike-Bestuzhev, S. (1921). Perspektivy raboty Kommunisticheskogo Internatsionala v Anatolii, 14 sentiabria 1921 g. [Perspectives of the work of the Communist International in Anatolia, September 14, 1921]. In *RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History]. Stock 495. List 154. Dossier 1, pp. 61–73.
- Browne, E. G. (1904). Pan-Islamism. In *Lectures on the History of the Nineteenth Century*. Cambridge University Press.
- Congrès du Monde musulman à la Mecque. Procès – verbaux (Pièces – annexes, № 9–27). In *Revue du Monde musulman*, Paris, 1926, XVIV, pp. 125–212.
- Gibb, H. F. R. (1961). *Studies on the Civilization of Islam*. Boston.
- Izvestiia TsIK SSSR i VTsIK*, no 63(2694), March 18, 1926.
- Karabekir, K. (1967). *Istiklâl Harbimizde: Enver Paşa ve Ittihat Terakki Erkânî*. Istanbul.
- Khasan, Makhmud Ali. (1967). *Sakhifa mudzhaza bi-a'mal' al'-mu'tamar al'-'aliami al'-islami al'-*

avval' bi-Mekka al'-mukarrama. al'-Iskandariia, Matba'at nakhdat ash-shark, 1345 g.kh. [A short story about the work of the First World Muslim Congress in Mecca]. Alexandria, Egypt, The Publishing House of the Renaissance of the East.

Kramer, Martin S. (1986). *Islam Assembled: The Advent of the Muslim Congresses*. New York. Columbia University Press.

Longfold, E. (1979). *A Pilgrimage of Passion: The Life of Wilfrid Scawen Blunt*. London.

Minault, G. (1982). *The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilization in India*. Delhi.

Petrushina, M. V. (2007). *Khalifatistское движение в Британской Индии. Курсовая работа* [Caliphate movement in British India]. Moscow, ISAA MGU.

Pravda, April 8, 1926.

Revue du Monde musulman, Avertissement. (1926). Paris.

RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History]. Stock 17. "TsK RKP(b) – TsK KPSS". List 85. "Sekretnyi otdel" (1926–1934). Dossier 171.

Romanenko, V. S. (2005). *Sotrudnichestvo sovetskoi diplomatii i musul'manskogo dukhovenstva SSSR v 20-e gody XX veka* [Cooperation between Soviet diplomacy and the Muslim clergy of the USSR in the 1920s]. Nizhnii Novgorod, Makhinur.

Sékaly, A. (1926). *Le Congrès du Khalifat et le Congrès du Monde Musulman*. Paris.

The National Archives of the United Kingdom. Public Record Office. Foreign Office Files. FO 78/3131, January 9, 1880.

The National Archives of the United Kingdom. Public Record Office. Foreign Office Files. FO 78/3131, January 12, 1880.

The National Archives of the United Kingdom. Public Record Office. Foreign Office Files. FO 78/3314, February 1881.

The Times, June 25, 1877.

The article was submitted on 5.09.2018